

КНЯЗЬ ТЬМЫ

ГЕОРГИЕВСКИЙ ОРДЕН

Румит Вораназ Князь Тьмы. Георгиевский орден.

<https://litres.ru/74363104>

SelfPub; 2026

Аннотация

Москва, конец 1999 года. Город накануне нового века, но тьма уже пришла.

Вампиры-отступники выходят из тени, а по улицам бродят не люди — их одержимые тени. Единственная сила, способная противостоять хаосу, — это Георгиевский Орден, тайное воинство, возглавляемое молодой княжной Екатериной Оболенской. Её главное оружие и самое страшное проклятие — Князь. Древний вампир, закованный в печати, он носит в себе миллионы поглощённых душ и ненавидит себя не меньше, чем врагов.

Когда на Москву обрушивается «Чёрный легион» — армия безумцев, мечтающая о вечной войне, — Князю приходится снять все ограничения. Но его пробуждение грозит уничтожить не только захватчиков, но и сам город. На исходе ночи решается, кто останется в этом мире — люди, чудовища или никто.

Кровавый экшн, готический хоррор и русская душа в одном флаконе.

Содержание

Пролог. Склеп	4
Глава 1. Дорога	12
Глава 2. Никольская	21
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Румит Вораназ Князь Тьмы. Георгиевский орден.

Пролог. Склеп

Зимний воздух под Новгородом пах железом и мёртвой листвой. Декабрь девяносто первого года сжимал землю в кулак, выстуживая камни особняка Оболенских до состояния могильных плит. Екатерине было четырнадцать, и она ненавидела эти белые ночи, которые превращались в чёрные дни, потому что даже в полдень тучи висели так низко, что казалось — они придавят шпиль башен к земле.

Она не спала. За тонкой стеной, в кабинете отца, горел свет, и сквозь дубовую дверь доносились голоса — два, потом три, потом снова два. Дядя Всеволод говорил громче всех, его бас раскатывался по коридору, как гром в пустой бочке. Екатерина замерла у лестницы, прижимая к груди плюшевого медведя с оторванным ухом — единственное, что она взяла с собой из Москвы, когда отец привёз её сюда, в родовое гнездо, чтобы «переждать смуту».

— Ты не понимаешь, брат, — голос дяди был вкрадчивым, почти ласковым, и от этого ласкового тона у Кати свело

живот. — Орден мёртв. Он умер вместе с империей. Мы не можем держаться за старые скрепы, когда мир рушится.

— Орден не в империи, — ответил отец. Его голос звучал тихо, устало, как у человека, который повторяет одно и то же в сотый раз. — Орден в крови. В нашей крови, Всеволод. Ты не можешь просто взять и...

Звук был мокрый. Катя не сразу поняла, что это — она никогда не слышала, как сталь входит в плоть. Но когда отец всхлипнул — коротко, по-детски, — она поняла всё. Медведь выскользнул из рук и покатился по паркету. Катя рванула назад, в свою комнату, захлопнула дверь, навалилась спиной, но замка не было. Вообще не было. В этом доме все двери открывались нараспашку, потому что здесь не было секретов.

До этого момента.

Шаги в коридоре. Тяжёлые. Сапоги. Не отцовские.

— Катенька, — голос Всеволода был всё таким же ласковым, и от этого ласкового «Катенька» кровь в её жилах превратилась в лёд. — Открой, душа моя. Это не то, что ты думаешь. Мы просто... поговорили.

Она вжалась в стену. В руках у неё ничего не было — даже того дурацкого медведя. Только собственное сердце, которое стучало так громко, что, казалось, его слышно в Новгороде.

— Твой отец был слаб, — голос приблизился, и дверная ручка дёрнулась. — Он не видел будущего. Он хотел сохранить то, что уже превратилось в прах. Но мы, Катя, — мы

сильные. Мы выживем. Я позабочусь о тебе.

Она не ответила. Она смотрела на окно. Высота — второй этаж, под окном заснеженный куст сирени, который в декабре казался скелетом. Прыгать? Сломает ноги. Или нет — снег глубокий.

Ручка дёрнулась сильнее. Всеволод перестал говорить ласково.

— Катя. Я не хочу ломать дверь.

Она не знала, откуда пришла мысль. Просто вспомнила — в прошлом году отец водил её в склеп. Сказал: «Ты должна знать, откуда мы пришли. Здесь покоятся наши предки. И здесь, — он показал на маленькую железную дверь в глубине, заваленную камнями, — здесь спит тот, кто старше нас всех». Она спросила: «Кто?» Отец улыбнулся и ничего не ответил.

Сейчас она поняла: он не хотел говорить. Он хотел, чтобы она сама увидела, когда придёт время.

Дверь треснула. Катя метнулась к гардеробу, отодвинула его с такой силой, что дерево закричало, и нырнула в проём, который открылся за ним. Там была лестница — узкая, винтовая, каменная. Она не знала, куда она ведёт, и не думала. Она просто бежала вниз, сбивая ноги о ступени, хватая ртом холодный спёртый воздух.

Сзади — топот. Всеволод понял, куда она побежала.

— Катя! Стой! Там опасно!

«Там опасно» от человека, который только что убил её от-

ца. Катя споткнулась, упала, больно ударилась коленом о камень, но встала и побежала дальше. Ступени кончились. Она оказалась в подвале — низком, сводчатом, с земляным полом. Здесь пахло тленом, сыростью и чем-то ещё — древним, сладковатым, как засохшая кровь.

Впереди была та самая дверь. Железная, ржавая, заваленная обломками. Катя кинулась к ней, не понимая, что делает. Просто — некуда больше. Просто — страх.

Она начала отбрасывать камни. Они были холодными, как лёд, и обжигали пальцы. Сзади, в лестничном проёме, уже светился фонарь.

— Не делай этого, — голос Всеволода изменился — в нём появилась тревога. Настоящая. Он боялся. — Катя, ты не понимаешь, что ты делаешь. Это не игрушка. Это...

Она отбросила последний камень. Дверь была заперта на древний замок, но цепь, держащая его, истлела от времени. Катя дёрнула. Ржавое железо хрустнуло, как кость, и дверь приоткрылась.

Внутри было темно. Только в глубине — слабое свечение, как от гнилого дерева, только живое. И запах. Тот самый сладковатый запах — стал гуще, плотнее, как мёд, разлитый по воздуху.

— Нет! — Всеволод ворвался в подвал. Он был в чёрном, с ножом в руке — не заговорщик, не мятежник, просто убийца. В его глазах был ужас. — Катя, отойди оттуда! Это проклято!

Она шагнула внутрь.

Склеп был маленьким — всего несколько шагов в длину. По стенам — ниши с костями, истлевшими саванами, древними мечами. В центре — каменный саркофаг, без крышки, просто яма. Из неё и шёл тот свет.

Катя заглянула внутрь.

Там лежал человек. Он не был похож на мертвеца — его кожа была бледной, но не серой, волосы — длинные, светлые, спутанные, одежда — простая, льняная, с нашивками, которые она не узнала. И глаза — они были открыты. Пустые. Белые.

Но когда свет фонаря Всеволода упал на лицо Рюрика, его глаза моргнули.

Катя закричала. Не от страха — от боли. Она наступила на что-то острое, порезала босую ногу, и капли крови упали прямо в саркофаг — на губы лежащего.

Они окрасились красным.

И он открыл глаза по-настоящему — темно-карие, почти чёрные, с янтарными искрами на дне. Рюрик сел. Его движение было ломаным, нечеловеческим — он поднялся, не опираясь на руки, просто выпрямился, как скелет, который собирают заново.

Всеволод попятился.

— Невозможно, — прошептал он. — Печать... она была...

— Ты прав, — голос Рюрика был сухим, как песок, и глубоким, как колодец. Он посмотрел на Катю, потом на свою

руку — на ней выступила кровь, не его, чужая. — Кровь Оболенских. Свежая. Тёплая.

Он повернулся к Всеволоду. И улыбнулся.

Это была улыбка, которая не касалась глаз. Улыбка волка, который не голоден, но ему просто интересно — какой вкус у страха.

— Всеволод, — сказал Рюрик. — Я помню тебя. Ты был мальчиком, когда я ложился спать. Ты стоял над моей могилой и плакал. Ты боялся меня. А теперь — ты убил своего брата.

Катя стояла в углу, прижавшись к стене, и смотрела. Она видела, как дядя бросился вперёд с ножом. Она видела, как Рюрик перехватил его руку — легко, как ветку. Как кости Всеволода хрустнули, и нож упал на пол. Как Рюрик притянул дядю к себе и вонзил зубы в его шею — не как зверь, а как судья, который выносит приговор.

Всеволод захрипел. Он пытался что-то сказать, но воздух выходил из горла со свистом, и из него выходила кровь, и жизнь, и всё то, ради чего он убил отца.

Рюрик отбросил тело — оно упало на камни, дёрнулось раз, другой и затихло.

В подвал, на крики, вбегали люди — заговорщики, те, кто был с Всеволодом. Их было пятеро. Они тоже были вооружены — кто ножами, кто пистолетами. Один выстрелил. Пуля вошла в плечо Рюрика, но он не покачнулся. Он просто повернул голову — и в следующую секунду его уже не было.

на месте.

Он двигался быстрее, чем Катя могла уследить. Тени в подвале метались, крики становились короче, мокрее, и через тридцать секунд всё затихло.

Рюрик стоял посреди склепа, весь в крови, но не своей. Он дышал ровно. Он посмотрел на свои руки — они были красными до локтей — и вдруг его лицо изменилось. Жестокость ушла, осталась усталость. Такая глубокая, что Катя почувствовала её — холодом, который шёл от него.

— Ты, — сказал он, не оборачиваясь. — Подойди.

Катя не могла двигаться. Ноги приросли к полу. Но Рюрик говорил тихо, и в его голосе не было угрозы — только приказ, от которого невозможно отказаться.

— Я сказал — подойди.

Она сделала шаг. Потом другой. Подошла к саркофагу, встала рядом с ним. Он был выше неё на голову, и она чувствовала запах — крови, могилы, и ещё чего-то, что она не могла назвать. Древность. Одиночество. Вечность.

Он повернулся к ней и посмотрел в глаза. Вблизи его лицо было красивым — правильные черты, высокие скулы, тонкие губы. Но глаза — они были бездной.

— Ты разбудила меня, — сказал Рюрик. — Ты пролила кровь на печать. Ты — Оболенская. И теперь ты — глава Ордена.

Катя молчала. У неё не было слов. Отец был мёртв. Дядя был мёртв. Вокруг лежали тела. А она стояла перед вампи-

ром, который говорил о каком-то ордене.

— Что... — выдавила она. — Что мне делать?

Рюрик протянул руку — она всё ещё была в крови — и коснулся её щеки. Кончики пальцев были ледяными, но Катя не вздрогнула.

— Ты будешь править, — сказал он. — Ты будешь защищать. Ты будешь убивать. И я буду рядом. Всегда. Потому что теперь ты — моя. Не как добыча. Как сестра. Как оружие. Как цель.

Он убрал руку, и в его глазах мелькнула искра — то ли насмешка, то ли боль.

— Добро пожаловать в вечность, Екатерина Оболенская. Мы — последняя линия. И мы никогда не сдадимся.

Она стояла в склепе, среди мёртвых, и смотрела, как Рюрик поднимается по лестнице — туда, в мир, который только что рухнул. Она не плакала. Она просто сжала кулаки так, что ногти впились в ладони, и пошла за ним.

Впереди была тьма.

И впереди была война.

Новгородская область, декабрь 1991 года.

Орден Георгия Победоносца пережил империю. Он переживёт и это.

Глава 1. Дорога

Псковская область встретила их мокрым снегом и тишиной. Такой тишиной, которая бывает только в местах, где люди давно перестали жить, а звери — бояться. Сержант Вера Соколова сидела в кузове «Урала» и смотрела, как за бортом проплывают чёрные стволы сосен, облепленные изморозью. Было холодно. Не по-октябрьски, а по-декабрьски, хотя календарь упрямо показывал середину сентября. Война в Чечне кончилась, но тишина на границах не наступила — её просто заменили другими звуками: треском раций, матом водителей, хрустом сапог по битому стеклу.

— Вера, ты чего задумалась? — лейтенант Костя Лукин толкнул её плечом. — Смотри, там деревня какая-то. По карте — Заречье. Зброшенное.

Вера перевела взгляд. За деревьями действительно открывалась равнина, и на ней — тёмные пятна крыш. Дома стояли криво, как пьяные старики, окна зияли чёрными провалами. Ни дыма, ни огня, ни собачьего лая. Только ветер гулял по улицам, поднимая позёмку.

— Почему нас сюда? — спросила она, хотя знала ответ. Оперативники из областного управления сказали: «Задание особой важности. Поступил сигнал о неопознанных вооружённых формированиях». Она переспросила: «Бандиты?» Ей ответили: «Не совсем». И всё. Больше никто ничего не

объяснял.

— Связь пропала с патрулём, — Костя понизил голос. — Там был старший лейтенант Егоров. Трое бойцов. Пропали без вести. А перед этим местные говорили, что в церкви кто-то прячется.

— И мы — группа захвата, — Вера усмехнулась. — Четыре человека против неизвестного количества. Отлично.

— У нас автоматы, бронежилеты, — Костя улыбнулся, но улыбка вышла нервной. — Прорвёмся.

«Урал» остановился на въезде в посёлок. Водитель — рябой мужик с вечно кислым лицом — заглушил двигатель и обернулся:

— Дальше пешком. Дороги нет, машину застрянем.

Вера спрыгнула на землю. Ноги увязли в грязи по щиколотку. Здесь снег перемешался с землёй, превратившись в мерзкую кашу. Она поправила автомат, проверила магазин — полный. Сзади выгружались остальные: Костя, сержант Фёдор Корнеев — здоровенный молчун с татуировкой на шее, и младший лейтенант Саша Зотов — новичок, который на учениях стрелял лучше всех, а в бою ещё ни разу не был.

— Порядок, — скомандовал Костя. — Вера, ты со мной. Фёдор и Саша — по флангам. Идём к церкви. Если что — открываем огонь без предупреждения.

— Устав, — буркнул Фёдор. — Предупреждение положено.

— Кому положено, тот предупредит, — отрезал Костя. —

А мы — по факту.

Они двинулись по главной улице. Посёлок действительно был мёртвым: двери домов распахнуты настежь, в некоторых горели костры, но никого не было видно. Вера заметила следы на снегу — свежие, глубокие, будто кто-то тащил тяжёлый груз. Или кого-то. Или что-то.

— Смотри, — шепнул Костя, показывая на землю. На снегу лежала фуражка. Омоновская. В грязи. Рядом — лужа, но не воды. Тёмная, почти чёрная, с лёгкой плёнкой льда.

Вера присела. Понюхала. Металл. Железо. Кровь.

— Они здесь, — сказала она. — Недавно.

И в этот момент лес взорвался криком. Диким, нечеловеческим воплем, похожим на вой раненого зверя. Он шёл откуда-то справа, из-за домов.

— За мной! — крикнул Костя, и они побежали.

Вера не успела понять, что происходит. Из переулка выскочило нечто — низкое, сгорбленное, с неестественно длинными руками. Оно бросилось на Фёдора. Сержант успел выстрелить — очередь ушла в небо, потому что тварь повалила его на землю и вонзила зубы в шею. Фёдор захрипел, дёрнулся, и затих.

— Твою мать! — Костя открыл огонь. Пули ударили в тварь, она дёрнулась, но не упала. Вера увидела её лицо — человеческое, но искажённое, с красными глазами и оскаленным ртом, из которого капала кровь. Она нажала на спуск. Автомат задрожал в руках. Тварь завывала и отскочила

в тень.

— Бежим! — заорал Саша Зотов, и они побежали. К церкви. Туда, где было хоть какое-то укрытие.

Вера бежала, не разбирая дороги, чувствуя, как сапоги скользят по мёрзлой грязи. Сзади — вой, топот, треск автоматных очередей. Она обернулась: Саша упал, и над ним склонилась ещё одна тень. Костя стрелял, но тварей было слишком много. Они вылезали из подвалов, из окон, из-за заборов — серые, быстрые, голодные.

Вера добежала до церковной ограды — старый кирпичный забор, наполовину разрушенный. Перемахнула через него, упала на колени, вскочила и нырнула в открытые двери храма.

Внутри было темно. Только лунный свет падал сквозь высокие окна, выбитые взрывной волной. Иконы были сорваны, алтарь разбит, на полу — лужи воды и следы грязных сапог. Вера прижалась спиной к колонне, сжимая автомат. Сердце колотилось так, что она слышала его в ушах. Она перевела дух, и в этот момент поняла — она ранена. Левый бок горел огнём. Она провела рукой — пальцы стали влажными. Стекло? Или коготь? Неважно. Кровь сочилась сквозь бронежилет, который не выдержал удара.

Она прислушалась. Снаружи — тишина. Ни выстрелов, ни криков. Только ветер завывал в куполе, и где-то далеко — поскрипывание дерева.

— Костя? — прошептала она. — Саша?

Никто не ответил.

Вера медленно двинулась в глубь церкви. Ноги подкашивались от потери крови, но она держалась. В алтарной части, за остатками иконостаса, была маленькая дверь — в ризницу. Она толкнула её плечом и вошла внутрь. Там пахло ладаном, плесенью и ещё чем-то сладковатым. Она села на пол, прислонившись к стене, и закрыла глаза.

— Я не умру здесь, — сказала она себе. — Я не умру.

Она открыла глаза, когда слышала шаги. Тяжёлые, спокойные, неспешные. Они шли по церковному полу, и каждый шаг отдавался эхом. Вера вскинула автомат, но ствол дрожал.

Дверь открылась. Вошёл человек.

Он был высоким, бледным, с длинными светлыми волосами, собранными в хвост. На нём был чёрный плащ, а под ним — что-то вроде старой русской рубахи, подпоясанной ремнём. В руках он держал странный клинок — не нож, не меч, что-то среднее, с выгравированными рунами. Его лицо казалось молодым, но глаза — старыми, как эти камни.

Он посмотрел на Веру, и она почувствовала, как воздух в комнате стал тяжелее.

— Ты одна? — спросил он. Голос был сухим, без эмоций, как у человека, который видел смерть тысячу раз.

Она не ответила. Просто нажала на спуск.

Очередь ушла в пустоту. Он исчез — просто перестал быть там, где стоял, и оказался рядом с ней. Она почувство-

вала холодное прикосновение к запястью, и автомат выпал из рук.

— Не трать патроны, — сказал он. — Они тебе не помогут.

Она хотела закричать, но он зажал ей рот ладонью. Его пальцы пахли кровью, но не свежей — старой, как железо.

— Тихо, — сказал он. — Я не причиню тебе вреда. Сейчас я убью тех, кто убил твоих друзей. А потом мы поговорим.

Он отпустил её и вышел из ризницы. Вера осталась сидеть на полу, прижимая руку к ране. Она слышала, как он вышел на улицу, как раздались звуки борьбы — но не выстрелы, а хруст, вопли, разрывы. Через минуту он вернулся.

Он был весь в крови. Его лицо оставалось спокойным, только глаза чуть светились янтарным светом в темноте. Он сел на корточки перед Верой и посмотрел ей в глаза.

— Твои друзья мертвы, — сказал он. — Я убил тварей, которые их сожрали. Но ты жива. И ты — человек.

Она попыталась что-то сказать, но язык не слушался. Кро-
вопотеря делала своё дело. Она теряла сознание, и в послед-
нем проблеске увидела, как он наклонился к ней.

— Ты девственница? — спросил он неожиданно.

Она не поняла вопроса. Просто моргнула.

— Отвечай, — сказал он жёстко. — Ты спала с мужчиной?

— Нет, — прошептала она. — Нет...

Он кивнул, словно это было важно. И вытащил пистолет.

— Прости, — сказал он. — Это единственный способ.

Она увидела, как он вскинул оружие. Как дуло упёрлось в её грудь. Как его палец нажал на спуск.

Выстрел был глухим. Боль пришла мгновенно — она вскрикнула, но крик утонул в её собственной крови. Мир погас. А потом началось.

Она не знала, сколько времени прошло. Может, минута. Может, час. Она очнулась от холода. Ощущение было странным — её тело дрожало, но дрожь была не от холода, а от чего-то другого. Она лежала на полу, и в груди билось что-то новое. Не сердце. Или сердце, но оно билось быстрее, сильнее, и в нём звучала сила, которая раньше была ей незнакома.

Она открыла глаза. Он сидел рядом на корточках и смотрел на неё.

— Ты жива, — сказал он. — Хотя я выстрелил тебе в сердце. Ты обратилась.

Она попыталась встать, и у неё получилось. Ноги слушались, боль в боку исчезла, рана затянулась, оставив только тонкий шрам. Она подошла к осколку зеркала, висящему на стене, и увидела своё отражение. Лицо было тем же — русые волосы, серые глаза, родинка над губой. Но в глазах появился странный отблеск, и кожа стала бледнее.

— Что ты сделал? — спросила она.

— Я спас тебя, — ответил он. — Хотя ты можешь считать это проклятием.

Она хотела закричать на него, ударить, но он взял её за

руку и притянул к себе. Его глаза были вровень с её глазами.

— Ты была ранена, — сказал он. — Ты бы умерла через час. Я дал тебе шанс. Теперь ты будешь жить вечно. Или почти. И ты будешь служить Ордену. Как я. Как многие другие.

— Ордену? — она не понимала.

— Георгиевский орден, — сказал он. — Мы — щит. Мы — меч. Мы — последняя линия между этим миром и тьмой. Но ты теперь — часть тьмы. И тебе придётся привыкнуть.

Она отшатнулась. Её тело — новое, сильное — отказывалось подчиняться. Она чувствовала голод. Не обычный, а глубокий, животный, требующий крови. Она посмотрела на свои руки — на пальцах выступили капли пота, но пот был липким, красноватым.

— Я не хочу, — прошептала она. — Верни меня обратно.

— Невозможно, — сказал он. — Теперь ты — моя. Как и я когда-то был обращён. Меня зовут Рюрик. И я Князь. Ты — Вера. Отныне ты — воин.

Она упала на колени и её вырвало. Тошнота была такой сильной, что она содрогалась всем телом. Но вместо желчи изо рта вышла чёрная слизь — отторжение старой крови.

Рюрик стоял рядом и молчал.

— Ты привыкнешь, — сказал он. — Все привыкают. Или сходят с ума.

Она подняла голову и посмотрела на него с ненавистью.

— Я убью тебя, — сказала она.

Он улыбнулся — грустно, почти по-человечески.

— Многие пытались, — ответил он. — Ни у кого не вышло. Иди за мной. Нам нужно уходить. Здесь скоро будет облава.

Он повернулся и вышел из церкви. Вера осталась стоять на коленях, глядя на своё отражение в битом стекле. Она была вампиром. Она была чудовищем. И она ненавидела его за это.

Но в глубине души она уже знала: он был прав. Она не умерла. Она была сильнее. И этот голос — голод, который теперь жил в ней — требовал, чтобы она встала и пошла за ним.

Она встала.

И пошла.

Псковская область, сентябрь 1999 года.

Сержант Вера Соколова погибла в заброшенной церкви.

Родилась Вера — вампир, охотник, дочь тьмы.

Глава 2. Никольская

Дорога в Москву была долгой и молчаливой. Вера сидела на заднем сиденье чёрной «Волги», пристёгнутая ремнём, и смотрела в окно на мелькающие огни придорожных кафе и редкие фонари. Рюрик сидел рядом, скрестив руки на груди, и не произнёс ни слова с тех пор, как они выехали из Псковской области. Его лицо было непроницаемым, как каменная маска, и только изредка, когда машина проезжала под ярким светом, Вера замечала янтарные искры в его глазах — те самые, что видел в церкви.

Она пыталась осмыслить произошедшее. Её тело изменилось — она чувствовала это каждой клеткой. Обострились слух и зрение: она слышала шёпот водителя, доносившийся из-за перегородки, и видела каждую трещинку на асфальте за сотню метров. Голод не утихал — он свернулся внутри неё тугой пружиной, напоминая о себе тупой болью в горле. Но она держалась. Она не знала, как долго сможет терпеть, но была твёрдо намерена не показывать слабости перед этим человеком — монстром, который сделал её такой же.

— Скоро будем, — сказал Рюрик, не открывая глаз. — Не вздумай рыпаться. В Кремле строгий пропускной режим.

— Кремль, — повторила Вера. — Ты серьёзно?

— Серьёзнее некуда, — ответил он, и в его голосе мелькнула тень усмешки. — Георгиевский орден базируется там с

1769 года. Формально — музей, историческая экспозиция. Неформально — самый защищённый штаб в Европе. Ты скоро всё увидишь.

Она не ответила. Ей было страшно, но этот страх перемешивался с любопытством — тёмным, почти запретным. Часть её, та, что была сержантом полиции, требовала порядка и ясности. Другая часть, та, что проснулась вместе с вампирским голодом, тянулась к этому новому миру, как мотылёк к огню.

Машина въехала в Москву под утро. Город просыпался: редкие прохожие, первые троллейбусы, запах бензина и выхлопных газов, смешанный с утренней сыростью. Они проехали по Тверской, свернули на Манежную, и Вера увидела стены Кремля — красные, массивные, с башнями, увенчанными изумрудными звёздами. Ей казалось, что она спит. Что всё это — бред умирающего сознания, который вот-вот рассеется.

Но «Волга» остановилась у Никольской башни. Широкие ворота распахнулись бесшумно, и машина въехала внутрь, во внутренний двор, который Вера не видела никогда — он был скрыт от глаз туристов массивными стенами.

Рюрик вышел первым и открыл ей дверь.

— Добро пожаловать домой, — сказал он. Теперь в его голосе не было иронии — только спокойная констатация факта.

Она вышла и огляделась. Внутренний двор был вымощен

брусчаткой, старые здания окружали его плотным кольцом. В центре стоял памятник — не Ленину, не князю, а человеку в старом военном мундире с орденом на груди. Вера не узнала его, но почему-то подумала, что это Георгий Победоносец — или тот, кто носил его имя.

— Идём, — сказал Рюрик, и она пошла за ним.

Они вошли в здание, примыкающее к башне. Внутри было холодно, как в подвале, и пахло старым деревом, лаком и ещё чем-то неуловимым — тем самым сладковатым запахом, который она запомнила с первой ночи. Они поднялись по винтовой лестнице на третий этаж, прошли по длинному коридору, увешанному портретами в тяжёлых рамах, и остановились перед высокой дубовой дверью.

Рюрик толкнул её без стука, и Вера вошла.

Кабинет был огромным. В центре стоял стол из красного дерева, заваленный картами, папками, старыми книгами. Вдоль стен — книжные шкафы до потолка, и в каждом — фолианты с обтёртыми корешками. На одной из стен висела карта мира, испещрённая красными метками. А за столом сидела она — княжна Екатерина Оболенская.

Вера ожидала увидеть старую женщину в чёрном платке, с горящими глазами инквизитора. Вместо этого перед ней сидела молодая девушка лет двадцати пяти, с тёмными волосами, собранными в строгий пучок, в сером деловом костюме. Её лицо было бледным, но не мертвенно-бледным, как у Рюрика, — скорее, как у человека, который давно не ви-

дел солнца. Глаза у неё были серыми, цепкими, и когда они встретились с глазами Веры, девушка улыбнулась — тонко, почти незаметно.

— Вера Соколова, — сказала Екатерина. Голос у неё был низким, с лёгкой хрипотцой. — Князь говорил о вас. Садитесь.

Вера села на стул напротив стола. Рюрик остался стоять у двери, скрестив руки на груди — он явно не собирался участвовать в разговоре, но и не уходил.

— Я понимаю, что вы чувствуете, — начала Екатерина, перебирая пальцами какую-то бумагу. — Вы удивлены. Испуганы. Возможно, злы. Это нормально. Каждый из нас проходил через это. Но я должна вам сказать главное: вы не чудовище. Вы — оружие. И как любое оружие, вы можете служить злу или добру. Выбор за вами.

Вера сжала кулаки под столом.

— Я не выбирала этого, — сказала она. — Он выстрелил в меня. Он не спросил.

Екатерина перевела взгляд на Рюрика. Тот остался неподвижен.

— Он сделал то, что должен был, — сказала Екатерина. — Иначе вы были бы мертвы. Мы не берём в Орден всех подряд — только тех, кто может стать воином. Вы — девственница. Вы чисты. Вы сильны. Князь почувствовал это в вас. Он не ошибся никогда.

— Я не понимаю, — сказала Вера. — При чём здесь дев-

ственность?

Екатерина улыбнулась — на этот раз шире.

— Наша кровь, — сказала она, — имеет особую природу. Мы — Георгиевский орден. Мы носим в себе частицу святого воина. Но чтобы обращение прошло успешно, нужны определённые условия. Вы подходите.

Вера хотела спросить ещё, но Екатерина встала и подошла к карте.

— Взгляните, — сказала она, показывая на красные метки, разбросанные по всей территории России и Европы. — Это наши враги. Отступники. Беглые вампиры, твари, которые не признают законов Ордена. И — самый опасный противник, «Чёрный легион». Бывший «Аненербе». Они возродились в девяносто третьем, после краха ГДР, и теперь строят свою армию.

Вера поднялась и подошла к карте. Метки были везде: в Сибири, на Урале, в Прибалтике, в Германии, во Франции. Красные точки сливались в линии, образуя сеть, которая опоясывала всю Европу.

— Что они хотят? — спросила она.

— Власти, — ответила Екатерина. — Вечной власти. Они хотят заменить людей вампирами, сделать мир своим пастбищем. Они считают себя новой расой, которая придёт на смену человечеству. Мы — единственная сила, которая может их остановить.

Она повернулась к Вере.

— Но нам нужны бойцы. Вы — сержант полиции. Вы умеете стрелять, вы умеете выживать. Теперь у вас есть сила, которая превышает человеческую. Но вы должны научиться ею пользоваться. Князь будет вашим наставником.

Рюрик наконец подал голос.

— Я покажу тебе, что ты умеешь, — сказал он. — Как двигаться, как чувствовать, как охотиться. И как пить кровь, не превращаясь в зверя.

Вера вздрогнула. Слово «пить кровь» прозвучало как приговор.

— Я не буду пить кровь, — сказала она.

Рюрик усмехнулся. Впервые с момента их встречи его лицо исказила настоящая эмоция — насмешка, смешанная с сочувствием.

— Будешь, — сказал он. — Или сойдёшь с ума. Голод не отступает, Вера. Он только растёт. Ты уже чувствуешь его. Через день ты будешь готова убить, чтобы утолить его. Я знаю. Я сам через это проходил.

Вера отступила от карты и снова села на стул. Она чувствовала, как внутри неё поднимается волна паники. Она хотела убежать, но ноги не слушались.

— Я не хочу быть монстром, — прошептала она.

Екатерина подошла к ней и положила руку на плечо. Её прикосновение было тёплым — не как у Рюрика, холодного и далёкого.

— Вы не монстр, — сказала она мягко. — Вы воин. Вы

теперь часть тьмы, но служите свету — по-своему. Это тяжело. Это больно. Но это единственный путь сохранить человечность. Мы не убиваем невинных. Мы не пьём от живых без их воли. Мы защищаем людей от тех, кто хуже нас. Это наш долг.

— Долг, — повторила Вера. — Перед кем?

— Перед собой, — сказала Екатерина. — Перед теми, кто погиб, чтобы мы могли существовать. И перед теми, кто ещё жив. Пойдёмте. Я покажу вам вашу комнату и познакомлю вас с командой.

Она подала Вере руку, и та взяла её. Встала. Рюрик открыл дверь, и они вышли в коридор.

По пути Екатерина рассказывала об устройстве Ордена. Здесь были аналитики — бывшие сотрудники КГБ и военной разведки, которые отслеживали передвижения врагов. Оружейники — мастера, которые ковали клинки из освящённого серебра и делали пули с примесью крови мучеников. Разведчики — вампиры, которые могли проникать в станы противника, выдавая себя за обычных людей. И бойцы — такие, как Вера.

Она познакомилась с тремя из них. Пётр — высокий, лысый, с татуировкой на лице, которая изображала стяг Георгия. Он был немногословен и смотрел на Веру с подозрением. Анна — маленькая, быстрая, с острым языком; она улыбнулась Вере и сказала: «Привыкнешь, подруга». И Сергей — старый вампир, который был обращён ещё в девятнадцатом

веке и выглядел на тридцать, хотя глаза выдавали столетия. Он пожал ей руку и сказал: «Ты сильная. Я вижу».

Они прошли в комнату, которую выделили Вере — небольшую, но чистую, с кроватью, столом и старым зеркалом в резной раме. За окном — серое московское утро, и колокола звонят где-то неподалёку.

— Отдыхай, — сказала Екатерина. — Вечером начнётся обучение. Князь будет ждать тебя в оружейной.

Она ушла. Вера осталась одна.

Она села на кровать и уставилась в своё отражение в зеркале. Она видела себя — бледную, уставшую, с кругами под глазами. Но в глубине зрачков уже теплился тот странный огонёк — знак принадлежности к иному миру. Она провела рукой по лицу — кожа была прохладной, но не ледяной. Её тело слушалось, но голод нарастал.

«Ты теперь часть тьмы, но служишь свету», — вспомнила она слова Екатерины. Это звучало красиво, но внутри было пусто и страшно.

Она легла на кровать и закрыла глаза. День только начался, а она уже знала — этот день изменит её навсегда.

Кремль, Москва, сентябрь 1999 года.

Вера Соколова стала воином Ордена.

Но война только начиналась.

И «Чёрный легион» уже смотрел на Москву.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.